

Стоило студенческой жизни войти в привычную колею, как время словно нажало на кнопку ускорения.

Хотя Цзян Ваньвань и Линь Чжили учились в одной группе и большинство профильных предметов посещали вместе, их факультативы и расписания неизбежно немного расходились.

Впрочем, основные курсы Института менеджмента и экономики чаще всего проходили в больших лекционных аудиториях амфитеатром, где объединяли сразу несколько потоков. Поэтому Шэнь Яньчжоу и Лу Шихань то и дело попадались на глаза в аудитории — в конце концов, они учились на той же специальности, и их расписания пересекались очень сильно.

В такие моменты Линь Чжили неизменно приходила в аудиторию на десяток минут раньше, выбирала хорошее место — не слишком близко, но и не слишком далеко, с отличным обзором, — чтобы это не выглядело слишком нарочито.

А затем, когда входил Шэнь Яньчжоу, она делала вид, что увлеченно листает учебник. Вот только страница оставалась одной и той же, как ни перелистывай, а кончики ушей пылали красным, точно вареные креветки.

Она не смела пересесть к нему по собственной воле и тем более не решалась, подобно некоторым смелым девчонкам, нахально занять место рядом. В лучшем случае, когда Шэнь Яньчжоу проходил мимо, она набиралась храбрости, поднимала голову и тихонько произносила: «Привет, однокурсник Шэнь», — после чего удостоивалась в ответ легкого кивка.

От одного этого кивка она могла радоваться целое полугодие.

Лу Шихань, каждый раз натываясь на эту растерянную и беспомощную Линь Чжили, неизменно издавал короткий насмешливый хмык носом, а уголки его губ искривлялись в улыбке, застрявшей где-то посередине между издёвкой и еще бог весть чем.

Однако он никогда не подсаживался к ним вместе. Чаще всего он по-прежнему сидел с Шэнь Яньчжоу на другом конце аудитории, порой кучковался с остальными парнями из группы, а иногда ненавязчиво занимал для Линь Чжили место, хотя вслух никогда не признавал, что это для нее — неизменно отговариваясь тем, что просто «захватил заодно».

Что же до Шэнь Яньчжоу, то его, казалось, вообще не волновало, где сидеть. Куда Лу Шихань его притащит, там он и устраивался — будь вокруг знакомые или незнакомцы, ему было абсолютно все равно. Стоило ему опуститься на стул, как он тут же принимался за книги и конспекты, а весь окружающий мир переставал для него существовать.

Иногда кто-нибудь садился рядом и пытался завязать разговор, и тогда он вежливо отвечал. Но эта вежливость несла в себе четкую, непреодолимую дистанцию: всего трех фраз хватало, чтобы разговор зашел в полный тупик, так что со временем желающих тесниться возле него почти не осталось.

Гораздо чаще он просто сидел в одиночестве и тишине в самом углу, отделенный от Линь Чжи доброй половиной аудитории — словно они пребывали в двух параллельных мирах.

Цзян Ваньвань наблюдала за всем этим со стороны, мысленно ставя штамп «N-я попытка топтаться на месте» на шкале прогресса Линь Чжи по «покорению бога мужского пола».

Впрочем, по сравнению со случайными встречами в кампусе, куда большее впечатление на нее производил «эффект автоматической зачистки пространства», возникавший всякий раз, когда Шэнь Яньчжоу появлялся в общественных местах.

Однажды, отправляясь в одиночестве на факультатив в перерыве между парами, она с книгами в руках выходила из учебного корпуса и как раз застала Шэнь Яньчжоу, шедшего впереди.

Он был в белой футболке, шагал неторопливо, а окружающие студенты, словно оттолкнутые невидимым потоком воздуха, автоматически расступались на два-три шага.

Кто-то порывался подойти и заговорить, но, стоило приблизиться на расстояние трех шагов, замедлял шаги, пару секунд сомневался и пятился обратно, демонстрируя на лице смесь желания сблизиться и страха быть насмерть замороженным.

Глядя на эту картину, Цзян Ваньвань невольно подумала про себя: воздух на пути этого парня автоматически остывает градусов на тридцать, ходячий кондиционер.

Впрочем, мыслями мыслями, а каждый раз, сталкиваясь с ним нос к носу, она все равно из соображений «социального этикета» слегка приподнимала подбородок и приветственно кивала.

Шэнь Яньчжоу точно так же отвечал ей кивком, после чего они расходились в разные стороны.

Мало-помалу эта «знакомость через кивок» превратилась в некое молчаливое соглашение: чуть ближе, чем с незнакомцами, но неизмеримо дальше, чем с друзьями.

Лекции, студенческие клубы и всевозможные внезапные мини-вечеринки забивали практически все промежутки времени, кроме сна.

Когда Линь Чжи в общежитии снова предложила «немного расслабиться» в эти выходные и сходить в караоке, да еще умудрилась затащить в полном составе всю мужскую комнату главного героя, Цзян Ваньвань уже вполне спокойно воспринимала подобные «будничные тимбилдинги для главного состава».

В выходной вечер в просторной VIP-комнате неплохого караоке неподалеку от университета царил полумрак, а от басов вибрировал даже пол.

А на «поле боя» внутри кабинки очень быстро обозначились лагерь.

Чжао Сяотан оказалась бесспорной и полновластной королевой микрофона. С того самого момента, как она, ворвавшись в комнату, отобрала его, она больше ни разу не выпустила девайс из рук.

Выражаясь словами Цзян Ваньвань: «С таким объемом легких ей просто грех не бегать легкую атлетику... Впрочем, погодите-ка, она же и так баскетболистка, на бегу от нее не отстанут».

Линь Чжи представляла собой полную противоположность. Она специализировалась на сладких лирических песнях, ее голос был чистым и мягким, и когда она сидела на высоком барном стуле, сжав в руке микрофон, в ней было что-то от настоящей университетской богини.

Особенно когда она пела определенные строчки песен: ее взгляд неизменно и непроизвольно уплывал в самый тихий угол комнаты, щеки слегка розовели, а в голосе проступали недосказанные сердечные тайны.

«Так, цель захвачена, идет непрерывная атака», — отмечала про себя Цзян Ваньвань, щелкалки семечки и наблюдая за процессом.

Ну а главным «сюрпризом» сегодняшнего вечера стала Су Юань.

Эта кроткая и тихая классическая красавица явилась прямиком с урока игры на гучжэне за пределами кампуса и заодно притащила в караоке свой выдавший виды футляр из нанму, который с первого взгляда выглядел целым сокровищем.

Когда под всеобщие любопытные взгляды она открыла кофр и обмолвилась, что «руки немного чешутся, хочется попробовать сделать музыкальное сопровождение», все замерли.

Су Юань не стала долго разглагольствовать: настроив инструмент, она тронула струны тонкими пальцами, и чистые, звенящие звуки гучжэня странным образом перекрыли грохот дешевой акустической системы. Это звучало непривычно, но в то же время удивительно гармонично — примерно так же, как те популярные в сети треки, где традиционные инструменты скрещивали с современной музыкой, и получалось довольно со вкусом.

Что же до Чэнь Юйбая, то этот товарищ после того, как в самом начале исполнил приторно-сладкую песню и собрал скудные гроСы вежливых аплодисментов, сослался на необходимость подышать воздухом и пропал на добрых полчаса.

Когда же он вернулся, волосы его были слегка взъерошены, на рубашке расстегнуты две пуговицы, а на лице читалось нескрываемое уныние. Он плюхнулся на диван и принялся изливать душу.

Оказывается, только что в коридоре он «случайно столкнулся» с несколькими девчонками с факультета иностранных языков и, пустив в ход ключи от спорткара и мастерские навыки пикапа, с легкостью добился приглашения потусить вместе в соседней ВИПке.

Вот только он никак не ожидал, что среди тех девиц окажется одна из его бывших — та самая, с которой он месяц назад «встречался» целую неделю, а потом быстренько свел все общение на нет.

Ситуация в один миг стала донельзя неловкой: бывшая одарила его ледяной ухмылкой, а взгляды новых знакомошек мгновенно стали многозначительными. Чэнь Юйбаю не оставалось ничего лучше, как под благовидным предлогом смотать удочки и вернуться назад.

— Твою мать! Вот это невезение! — Чэнь Юйбай приложился к бутылке пива и хмуро протянул: — С чего это я вдруг так вляпался?

Лу Шихань без всякого сочувствия расхохотался: — Так тебе и надо! Нечего раскидывать сети где попало, рано или поздно сядешь на мель.

Чжоу Ифэй протянул ему бумажную салфетку и простодушно утешил: — Ничего страшного, братья Чэнь, на ошибках учатся.

Линь Чжии и Чжао Сяотан тоже незамедлительно влились в ряды насмехающихся и сочувствующих (в основном — насмехающихся).

Цзян Ваньвань устроилась на диване в самом углу, пристроив на коленях тарелку с фруктами, и с огромным удовольствием слушала чужие излияния.

<http://bllate.org/book/19357/1892522>